



Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого должно превратиться в базовое правило!

*Сергей Борисович Россинский**

Несколько лет назад автором настоящей статьи был впервые поставлен вопрос о негативном влиянии одного из существующих условий применения мер уголовно-процессуального пресечения – приоритетности их избрания в отношении обвиняемых – на обоснованность и своевременность выдвижения органами предварительного расследования уголовно-правовых претензий (обвинений). В этой связи были проведены некоторые научные изыскания, результаты которых нашли отражение в сравнительно небольшой научной публикации, представленной на строгий суд читателей в пятом номере журнала «Законы России: опыт, анализ, практика» за 2018 год¹.

Однако за прошедшее время интерес к данному вопросу лишь усилился – автор неоднократно возвращался к размышлениям о причинах возникновения, путях и перспективах разрешения наблюдаемых проблем, старался участвовать в их обсуждении с коллегами и учениками. В итоге некогда высказанные взгляды были сопоставлены с выводами, сделанными в результате прочих научных изысканий автора по проблемам досудебного производства, приведены в еще более стройную систему, а некоторые из них – частично пересмотрены и переосмыслены. Вследствие чего возникла потребность в обобщении всех имеющихся на сегодняшний день воззрений, в их приведении к «единому знаменателю». Решению такой научной задачи и посвящается настоящая статья.

* Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук.

¹ См.: *Россинский С.Б.* Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2018. № 5. С. 30–36.

А начать хотелось бы с очевидного: будучи наиболее жесткими приемами внешнего воздействия на поведение обвиняемых (подозреваемых), меры уголовно-процессуального пресечения подлежат избранию лишь посредством точного и неукоснительного выполнения дознавателями, следователями, прокурорами и судьями всех установленных требований, в том числе так называемых условий правомерности, обеспечивающих по смыслу закона защищенность людей от вполне возможных правоприменительных ошибок². Одним из таких условий как раз и является вытекающая из системного единства ч. 1 ст. 97 и ч. 1 ст. 100 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) известная правовая гипотеза, предполагающая приоритетность избрания меры пресечения в отношении обвиняемого, т.е. возможность ее применения к обвиняемому на общих основаниях, а к подозреваемому – лишь в исключительных случаях.

Причем, по всей вероятности, это требование представляется подавляющему большинству ученых-процессуалистов и, тем более, практических работников настолько очевидным и непреложным, что уже много лет воспринимается как само собой разумеющаяся аксиоматическая данность, как не нуждающийся ни в каком обосновании неопровержимый постулат. По крайней мере, оно никогда не привлекало особого внимания исследователей и обычно освещалось в научных и учебных публикациях посредством банального пересказа, иногда и дословного переписывания названных положений УПК РФ, а в более ранних доктринальных источниках – соответствующих положений УПК РСФСР

² См., например: *Коврига З.Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 93; *Михайлов В.А.* Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве. М., 1991. С. 18.

1960 г. и уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик³.

С одной стороны, в отсутствии особого интереса к данному вопросу нет ничего необычного – указанное условие вроде бы вполне логично, непротиворечиво, пригодно к использованию и, на первый взгляд, является одной из гарантий защищенности от правоприменительных ошибок, поскольку в подавляющем большинстве случаев предполагает возможность ограничения прав индивида лишь после его юридического признания обвиняемым, т.е. при наличии достаточных доказательств, подтверждающих его виновность в совершении некоего преступления. Однако, с другой стороны, – при более детальном осмыслении – на поверхность всплывает достаточно серьезный изъян правового регулирования института мер уголовно-процессуального пресечения, приводящий к весьма порочной практике выдвижения преждевременных, скоропалительных и, как следствие, должным образом не обоснованных обвинений, т.е. к еще большим негативным последствиям.

Ведь признание человека обвиняемым, т.е. выдвижение в отношении него публичного обвинения – это не сугубо процедурный акт, тем более не «технический» прием следственной деятельности, предполагающий перевод данного субъекта в новое юридическое состояние, а самого предварительного расследования – в новую фазу развития уголовно-процессуальных правоотношений. В соответствии с п. 22 ст. 5 УПК РФ обвинением признается формулируемое следователем (вариативно – дознавателем) и в дальнейшем поддерживаемое прокурором в судебном заседании официальное утверждение о совершении определенным лицом определенного запрещенного уголовным законом деяния, т.е. подлежащая разрешению посредством правосудия уголовно-правовая претензия одной стороны судебного спора к другой, своеобразный «уголовный иск».

В публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно отмечалось, что само предназначение стадии предварительного расследования, состоящее в обеспечении возможности формирования обвинительной позиции (уголовно-правовой претензии) как предмета предстоящего судебного разбирательства, предопределяет кульминационный

³ См.: Гуткин И.М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 5; Михайлов В.А. Методологические основы мер пресечения. М., 1998. С. 9; Курс уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головки. М., 2016. С. 536 и др.

характер акта привлечения в качестве обвиняемого, превращает его в своего рода уникальную форму реализации следственных полномочий, в определенном смысле уподобляет его обвинительному приговору, тоже содержащему уголовно-правовую оценку содеянного и обуславливающему переход лица из одного юридического состояния в несколько иное: из положения подсудимого – в положение осужденного. Такой акт рассматривался как подводящий итоги всей предшествующей следственной работе, как базовое решение, по сути, выражающее смысл досудебного производства, потребность в существовании этого этапа уголовно-процессуальной деятельности. А его содержание отождествлялось с выводами следователя о реальности события преступления, о виновности подверженного уголовному преследованию человека, о доказанности других предусмотренных ст. 73 УПК РФ обстоятельств⁴.

Ранее схожие позиции высказывались и многими другими авторами. В частности, отмечалось об абсолютной убежденности следователя в истинности выдвигаемой уголовно-правовой претензии и достаточности имеющихся доказательств для признания человека виновным в судебном заседании (для так называемой судебной перспективности уголовного дела) как о необходимом условии привлечения в качестве обвиняемого, а игнорирование такого условия признавалось нарушением принципа презумпции невиновности, предполагающего предписание о толковании всех неустраиваемых сомнений не иначе как в пользу подвергаемого уголовному преследованию лица. Поэтому любые следственные акты о привлечении в качестве обвиняемого, основанные на зыбких, неустойчивых, «натянутых» позициях, то есть не предопределенные внутренней уверенностью и непоколебимостью авторов в доказанности и неоспоримости соответствующих обстоятельств, совершенно справедливо расценивались как преждевременные либо просто незаконные⁵.

⁴ См.: Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого: «реперная точка» уголовного преследования или итог предварительного следствия? // Юристы-Правоведь. 2021. № 4 (99). С. 104; Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого как автономная следственная процедура: явный пережиток прошлого или закономерно существующий правовой инструмент? // Государство и право. 2022. № 3. С. 62 и другие работы автора.

⁵ См.: Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / отв. ред. М.М. Гродзинский. М., 1951. С. 120; Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д.С. Карева. М., 1956. С. 186;

В принципе такой же смысл вытекает из ч. 1 ст. 171 УПК РФ, уполномочивающей следователя выносить постановление о привлечении в качестве обвиняемого лишь при наличии достаточных (!) доказательств обвинения в совершении преступления, а ранее вытекал из аналогичной по содержанию ст. 143 УПК РСФСР 1960 г. Подобные суждения неоднократно высказывались и Конституционным Судом РФ. Например, в определении от 21 декабря 2006 г. № 589-О четко указано о неприемлемости привлечения в качестве обвиняемого без подтверждения инкриминируемого лицу преступления достаточной совокупностью доказательств.

И в этой связи автор настоящей статьи неоднократно настаивал на понимании постановления о привлечении в качестве обвиняемого исключительно как процессуального акта, логически завершающего основную, собственно «расследовательскую» часть предварительного следствия, сводящуюся к установлению входящих в предмет доказывания обстоятельств, подлежащего вынесению не иначе чем в преддверии предусмотренной гл. 30–31 УПК РФ финальной фазы досудебного производства и с перспективой достаточно скорого направления уголовного дела в суд. Одновременно отмечалось о противоестественности и неприемлемости скоротечного выдвижения основанных на результатах безотлагательных следственных (иных процессуальных) действий так называемых первоначальных, «пилотных» обвинений, на самом деле представляющих собой типичные подозрения, сводящиеся не более чем к версиям, то есть предположениям о совершении определенными лицами определенных преступлений⁶. Ради справедливости автором настоящей статьи, конечно, обращалось внимание на некоторую условность подобного суждения, выраженную в его полной приемлемости лишь к «классическим» досудебным производствам. Одновременно говорилось, что по сложным уголовным делам о групповых преступлениях, а также в случаях, предполагающих необходимость изменения либо дополнения обвинительного тезиса ввиду активной позиции обвиняемого, защитника, других невластных участников, за при-

влечением в качестве обвиняемого вполне могут следовать какие-либо еще процессуально-познавательные действия. Вместе с тем такие ситуации оценивались и продолжают оцениваться как никоим образом не способные поколебать базовый постулат о недопустимости выдвижения «пилотных» обвинений.

Вместе с тем практическая реализация подобного и, как представляется, единственно приемлемого подхода к признанию человека обвиняемым и выдвижению в отношении него соответствующей уголовно-правовой претензии невольно упирается в тупик – срабатывает опрометчиво установленный самим же законодателем нормативный капкан, состоящий в явной несогласованности положений, определяющих основания для привлечения в качестве обвиняемого и правовые условия использования механизмов процессуально-пресекающего воздействия. Осознавая целесообразность применения мер пресечения на первоначальном этапе уголовного преследования, располагая должными основаниями, органы предварительного следствия всякий раз оказываются перед непростым выбором: отказаться от использования объективно требуемой меры ввиду явной преждевременности выдвижения в отношении соответствующего лица обвинительного тезиса, т.е. его юридического признания обвиняемым и принять на себя все возможные риски его неправомерного поведения либо пойти на «делку с совестью» и буквально «на коленке» сформулировать не вполне созревшее, не подтвержденное достаточной совокупностью доказательств, но вынужденное обвинение, после чего избрать меру пресечения и спокойно продолжить расследование уголовного дела. Причем в силу вполне понятных причин обычно выбирается именно второй вариант – так поступать намного проще, безопаснее и, самое главное, разумнее и прагматичнее с точки зрения страхования от потенциальных упреков и взысканий со стороны вышестоящего начальства.

Особо чувствительно это противоречие ощущается в следственных ситуациях, связанных с необходимостью заключения человека под стражу или домашний арест как процессуально-принудительных механизмов, обычно избираемых после задержаний соответствующих лиц в порядке гл. 12 УПК РФ. Предопределенный Конституцией РФ 48-часовой лимит ограничения свободы без судебного решения еще менее располагает к надлежащему формулированию и предъявлению необходимой

Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., 1971. С. 128; *Еникеев З.Д.* Уголовное преследование. Уфа, 2000. С. 78 и др.

⁶ См.: *Росинский С.Б.* О недопустимости «пилотных» обвинений в досудебном производстве по уголовному делу // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4 (95). С. 124, 127.

для избрания меры пресечения уголовно-правовой претензии. К тому же ввиду объективной потери драгоценного времени, затраченного на доставку задержанного, и 8-часового темпорального резерва, предусмотрительно оставленного законодателем для самого судебного заседания, в фактическом распоряжении следователя остается немногим более суток, а иногда и того меньше. Ни о каком формулировании полноценной уголовно-правовой претензии в подобных условиях думать, конечно, не приходится – успеть бы выполнить минимальный объем самых безотлагательных следственных действий, накидать на «на скорую руку» заветное постановление о привлечении в качестве обвиняемого, предъявить его в установленном порядке и направить необходимые материалы в суд. И это в случае задержания одного подозреваемого! А что, если их было двое, трое, четверо и т.д.?

Конечно, для возможности преодоления возникающих трудностей существует специальная норма, уполномочивающая следователя как бы превентивно избирать меру уголовно-процессуального пресечения, в первую очередь заключение под стражу, в отношении подозреваемого – такой алгоритм прямо установлен ст. 100 УПК РФ, а ранее предусматривался ст. 90 УПК РСФСР 1960 г. Вместе с тем подобное дозволение прямо определено как допускаемое только в исключительных случаях – по смыслу закона использование данного потенциала приемлемо лишь в явно выходящих за пределы «следственной обыденности» ситуациях, например, связанных с объективной невозможностью срочного проведения самых безотлагательных следственных действий, одновременным задержанием сразу нескольких подозреваемых и прочими нестандартными обстоятельствами. Поэтому, как справедливо отмечается в научных публикациях, такое исключение лишь подтверждает общее правило: в тривиальных случаях мера уголовно-процессуального пресечения, в частности, арест либо домашний арест, может избираться после выдвижения в отношении лица официального обвинения⁷. К тому же предусмотренный ст. 100 УПК РФ порядок тоже не предназначен для длительного использования – прибегая к подобному алгоритму, следователь может рассчитывать только на 10 либо 45-суточную (а фактически – 8 либо 43-суточную) отсрочку, не исключая обязанности привлечения в качестве обвиняемого.

В этой связи в реальной следственной практике уже много лет используется как бы двухэтапная прикладная технология привлечения в качестве обвиняемого. Она сводится к экстремному выдвижению в отношении подвергаемого уголовному преследованию лица двух различных по объему, степени доказанности и содержанию уголовно-правовых претензий: вначале, как правило, непосредственно перед избранием меры пресечения – того самого, predeterminedного итогами безотлагательных следственных (иных процессуальных) действий «пилотного» обвинения, а в дальнейшем, после максимально возможного установления входящих в предмет доказывания обстоятельств – окончательного обвинения (обвинения в окончательной редакции), обусловленного результатами всего предварительного расследования, подтвержденного совокупностью всех собранных, проверенных и должным образом оцененных доказательств и выражающего уверенность в изобличении человека в совершении инкриминируемого ему деяния. Этот практический подход уже стал настолько привычным, что воспринимается подавляющим большинством следственных работников как само собой разумеющийся. А в качестве его нормативного обоснования используются положения ст. 175 УПК РФ, предполагающие возможность частичного изменения либо дополнения ранее выдвинутого обвинительного тезиса. По крайней мере, подобные данные были получены в ходе интервьюирования сотрудников ряда территориальных и линейных подразделений Следственного комитета РФ и органов внутренних дел. На вопрос о причинах использования указанной практики 54% опрошенных ответили, что поступают таким образом по велению руководства; еще 32% поведали, что указанный алгоритм настоятельно рекомендуется прокуратурой; 11% опрошенных сообщили, что двухэтапный характер привлечения в качестве обвиняемого использовался всегда; остальные 3% просто затруднились дать какой-либо определенный ответ.

Имеет ли какую-нибудь практическую ценность требование, обязывающее использовать меры уголовно-процессуального пресечения только в отношении обвиняемых и лишь в исключительных случаях – в отношении подозреваемых? Предполагает ли оно какие-либо дополнительные процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов повергнутых уголовному преследованию лиц?

⁷ См.: Курс уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головки. С. 536–537.

Положительно ответить на эти вопросы достаточно сложно! Никаких особых резонансов, некогда побудивших законодателя к введению данного требования в систему уголовно-процессуального регулирования, не усматривается. Тогда как фактически predetermined им негативные последствия налицо – они выражены в необходимости выдвижения вынужденных, но при этом явно необоснованных и преждевременных обвинений, то есть детерминируют гораздо более существенную несправедливость, превращая обвиняемого (читай, подозреваемого) в заложника непродуманной правотворческой политики и в какой-то степени извращая сам смысл, само предназначение уголовно-процессуальной деятельности. Кроме того, обусловленные этим требованием прикладные технологии сильно обременяют работу и без того перегруженных органов предварительного расследования – вынуждают практических работников проводить дополнительные действия и готовить дополнительные документы, приводят к новым очагам процессуальной бюрократии.

Хотя понять причины появления такого требования не так уж и сложно. Оно явилось очередным следствием не до конца продуманного переноса в советское и постсоветское законодательство целого ряда положений дореволюционного уголовно-процессуального права без их должной адаптации к несколько иным механизмам уголовно-процессуальной деятельности. Ведь предписание о применении процессуально-пресекательных приемов лишь в отношении обвиняемых было присуще национальному уголовному процессу еще со времен действия архаичного «Николаевского» Свода Законов; затем оно плавно перекочевало в Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., откуда было позаимствовано авторами первого советского УПК РСФСР 1922 г. и т.д. Однако при этом не было учтено, что в дореволюционной парадигме уголовного судопроизводства статус обвиняемого, в принципе, не подразумевал столь жесткой формализации, какая стала ему присуща в советский и постсоветский периоды развития уголовной юстиции. По смыслу Свода законов и Устава уголовного судопроизводства под обвиняемым понимался некий, не вполне определенный субъект, в отношении которого проводилось следствие для установления его причастности к преступному деянию, поэтому его введение в данное состояние вовсе не связывалось с вынесением соответствующего постановления. Другими словами,

такой участник скорее уподоблялся современному подозреваемому, тогда как положение самого дореволюционного подозреваемого имело следственной характер – касалось непроцессуального полицейского дознания.

На основании всего изложенного представляется, что правовое условие, увязывающее возможность использования процессуально-пресекательных механизмов с выдвижением в отношении лица уголовно-правовой претензии («уголовного иска») в современных условиях развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики – это подлежащий упразднению явный нормативный анахронизм! Обвинение лица в совершении некоего преступления и применение к нему одной из установленных УПК РФ мер пресечения являются достаточно самостоятельными, имеющими совершенно разную направленность формами реализации государственно-властных полномочий органов предварительного расследования. Будучи тесно связанными, они предназначены для решения различных следственных задач: привлечение лица в качестве обвиняемого обусловливается стремлением подвергнуть лицо уголовной ответственности ввиду установления факта причастности к преступному деянию, а меры пресечения – намерением предупредить вероятность его противоправного поведения⁸.

Думается, что право следователя и дознавателя применить любую из предусмотренных законом мер уголовно-процессуального пресечения к подозреваемому (инициировать подобное решение перед судом) не следует расценивать как нечто исключительное, подлежащее использованию лишь при наличии каких-то специфических обстоятельств – такую возможность надлежит использовать в общем порядке, как базовое правило, не принимая во внимание готовность или неготовность к выдвижению уголовно-правовой претензии (обвинения). В конце концов, ни в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, ни в существующих практических рекомендациях не усматривается никаких особых рисков ограничения, тем более нарушения, прав подозреваемых ввиду уравнивания их положения с положением обвиняемых в части использования мер уголовно-процессуального пресечения. Ведь современные статусы подозреваемого и обвиняемого (если, конечно, не учитывать

⁸ См.: Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 64.

несвойственные подозреваемому «судебные» права обвиняемого) настолько схожи друг с другом, предполагают такую высокую степень идентичности, что некоторые прагматично настроенные ученые вообще предлагают исключить процедуру предъявления обвинения из системы уголовно-процессуального регулирования, то есть фактически окончательно стереть какие бы-то ни было различия между дознанием и предварительным следствием как пока еще автономными формами предварительного расследования⁹. К слову, весьма примечательно, что, разясняя вопросы, возникающие в практике избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, Пленум Верховного Суда РФ увязал правомерность подобного решения с обоснованностью подозрения (не обвинения, а именно подозрения!) в совершении преступления (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41).

В завершение хотелось бы выразить надежду, что законодатель рано или поздно все-таки прислушается к высказанным в настоящей статье предложениям и соответствующим образом откорректирует содержание Уголовно-процессуального кодекса РФ. Представляется, что подобные коррективы внесут некоторую лепту в совершенствование и оптимизацию механизмов досудебного производства по уголовному делу, в частности, позволят несколько повысить уровень защиты подвергаемых уголовному преследованию лиц от выдвижения в отношении них преждевременных и необоснованных обвинений.

Библиографический список

1. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1978.
2. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1975.
3. Михайлов В.А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве: учебное пособие. М.: Академия МВД СССР, 1991.
4. Гуткин И.М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М.: Высшая школа МООП РСФСР, 1963.
5. Михайлов В.А. Методологические основы мер пресечения. М.: Академия управления МВД России, 1998.
6. Курс уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016.
7. Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого: «реперная точка» уголовного преследования или итог предварительного следствия? // Юристы-Правоведь. 2021. № 4 (99).
8. Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого как автономная следственная процедура: явный пережиток прошлого или закономерно существующий правовой инструмент? // Государство и право. 2022. № 3.
9. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / отв. ред. М.М. Гродзинский. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
10. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д.С. Карева. М.: Изд-во Московского университета, 1956.
11. Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М.: Юридическая литература, 1971.
12. Еникеев З.Д. Уголовное преследование: учебное пособие. Уфа: Изд-во БашГУ, 2000.
13. Россинский С.Б. О недопустимости «пилотных» обвинений в досудебном производстве по уголовному делу // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4 (95).
14. Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6.
15. Россинский С.Б. Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5.

⁹См.: Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 10.